

После того как обряд почитания учителя подошёл к концу, Цзя Чжу вместе с отцом, Цзя Чжэном, покинул поместье Линь.

Всю дорогу до дома они провели в молчании. Сидя в покачивающемся экипаже, Цзя Чжу кротко опускал глаза, усердно разыгрывая послушного сына, хотя в голове его вихрем кружились собственные мысли. Цзя Чжэн же, превыше всего ценивший прилежание в учебе, пребывал в глубоком смятении. Его сын разразился на глазах у наставника речью столь дерзкой и необычной, что она мгновенно привлекла внимание Шао Инлиня. Но для самого Цзя Чжэна эти суждения лежали бесконечно далеко от канонического учения мудрецов.

Не выдержав, он сурово нахмурился и прикрикнул на сына:

— Дерзкий мальчишка! Да как у тебя только смелости хватило городить подобную околесицу перед наставником?! Не прояви господин Шао истинного великодушия, не закрой он глаза на твое неразумие — несдобровать бы тебе за такое вольнодумство! А ну отвечай без утайки: где ты набрался этой ереси, противной всякому истинному знанию?

Цзя Чжу от неожиданности едва не подпрыгнул на месте.

«Беда... — пронеслось у него в голове. — Совсем забыл, что мой нынешний отец — человек до крайности закостенелый и набожный в своей ортодоксальности. Похоже, всю свою юношескую склонность к поэзии и изящному слогу он растерял ещё до моего рождения».

Но как объяснить ему происхождение этих мыслей? Не мог же он признаться, что в его эпохе и учение о разуме Ван Янмина, и неоконфуцианство Чжу Си считались равнозначными философскими течениями, а не «ересью» и «истиной»? В будущем последователей Ван Янмина будут исчислять тысячами, а его труды бережно сохранят для потомков.

Пришлось юлить. Кротко склонив голову, Цзя Чжу тихо произнес:

— Сын ваш лишь краем уха слышал, как господин Янь упоминал некоторые подробности из жизни почтенного Ван Синьчжао. Зная, что господин Шао причисляет себя к его последователям, я лишь попытался развить эту мысль, надеясь угодить новому наставнику...

Цзя Чжэн недовольно хмыкнул.

— Значит, господин Янь рассказывал, — проворчал он, всё ещё сомневаясь, но уже явно смягчившись.

Успех этого визита и то, что сын всё-таки обрёл столь выдающегося учителя, грели отцу душу. Он решил не допытываться дальше. Цзя Чжу мысленно перевёл дух.

До самого Жунфу они больше не проронили ни слова. Сразу после того как экипаж въехал в

ворота, отец и сын поспешили на женскую половину, чтобы представиться матушке Цзя.

Выслушав рассказ Цзя Чжэна о событиях в доме Линь, старая госпожа расплылась в довольной улыбке и воскликнула:

— Мой Чжу-эр всегда отличался необычайным умом! Разве мог такой наставник не разглядеть его таланта?

Она мягко велела сыну идти отдыхать, а сама, притянув Цзя Чжу к себе, усадила рядом. Обнимая и ласково поглаживая внука, она не скрывала своей безграничной нежности. Цзя Чжу, в чьем теле обитала душа взрослого человека из будущего, от подобных ласк всегда испытывал неловкость, но терпеливо сносил их, лишь молча моля небо о том, чтобы поскорее вырасти.

После того как утонул молодой господин Мэй, старший сын в первой ветви семьи, отношение матушки Цзя к старшему сыну, Цзя Шэ, и его супруге Ли-ши заметно охладело. Она винила их в непростительной халатности, погубившей первенца. И хотя госпожа Ли недавно разрешилась вторым сыном, Цзя Лянем, старая госпожа оберегала младенца с удвоенной бдительностью, боясь новых несчастий. Второго же своего сына, Цзя Чжэна, она всегда любила чуть сильнее, а потому и к его первенцу, Цзя Чжу, питала особую слабость.

Цзя Чжэн и госпожа Ван, безумно боясь, что их сын вырастет никчёмным бездельником, держали его в ежовых рукавицах. Матушка Цзя часто сокрушалась об этом, опасаясь, что они попросту погубят здоровье столь хрупкого ребёнка суровой учёбой. И хотя новость о начале занятий её порадовала, мысль о том, что теперь внук будет реже бывать у неё, навевала на неё грусть.

— Чжу-эр мой, — приговаривала она, утирая невидимую слезу, — совсем ещё кроха, да и здоровьем слаб, а отец с матерью только и знают, что мучить тебя книгами...

Цзя Чжу, прекрасно понимая её чувства, ласково ответил:

— Не беспокойтесь, Старая предщица, ваш внук крепок телом. Стоит выкроить свободную минутку, я непременно прибегу к вам, чтобы развеселить и прогнать скуку. К тому же наша старшая сестрица Юаньчунь уже лепечет вовсю, а братец Лянь учится ходить — они с радостью скрасят ваши дни, пока я занят учением.

Услышав столь разумные и тёплые речи, матушка Цзя растрогалась ещё сильнее. Она снова прижала внука к груди, ласково называя его своей усладой и сокровищем, и лишь после долгих напустивший отпустила повидаться с матерью.

В то время госпожа Ван ещё не перебралась в парадные покои зала Жунси, а занимала уютные комнаты в одном из боковых дворов.

Едва Цзя Чжу приблизился к дверям, как навстречу ему вышла жена Чжоу Жуя.

— Ах, молодой господин пришёл! — радостно воскликнула она и торопливо приподняла тяжёлую портьеру.

— Приветствую, сестра Чжоу, — мягко отозвался Цзя Чжу, переступая порог.

Госпожа Ван, завидев сына, мгновенно поднялась с кушетки и поспешила к нему навстречу. Она смотрела с неподдельной тревогой:

— Сынок мой! Ну как всё прошло? Не обижали ли тебя? Я только что видела твоего отца — лицо у него прямо-таки светилось от радости. Стало быть, дело с учителем улажено?

Цзя Чжу вкратце пересказал матери события в поместье Линь. Госпожа Ван слушала, сияя от гордости. Узнав, что уже завтра её сын должен приступить к занятиям, она тут же велела позвать Инхэ, старшую служанку из покоев Цзя Чжу, и строго-настрого наказала ей приготовить всё необходимое для учёбы — от платья до писчих принадлежностей, — а после принести ей на осмотр.

Инхэ, почтительно поклонившись, поспешила исполнять приказание.

— Матушка, не стоит так утруждать себя, — мягко произнес Цзя Чжу, глядя на её хлопоты. — Девочки со всем справятся сами. У вас и без того забот полон дом, ведь вам приходится помогать старшей супруге Ли-ши вести дела поместья. О своих вещах я позабочусь сам.

Сердце госпожи Ван наполнилось невыразимой нежностью и гордостью. Её Чжу-эр, будучи совсем мал, уже проявлял такую чуткость и заботу! В этом она видела неоспоримое доказательство того, что в будущем его ждёт великая судьба.

— Глупенький мой, — ласково улыбнулась она, погладив его по плечу. — Ты ещё слишком мал. Пока я в силах заботиться о тебе, я буду это делать. Пусть служанки ухаживают за тобой как следует. Твоё дело — прилежно учиться на радость отцу и матери. Большого нам и не нужно.

Цзя Чжу уловил в её словах скрытый подтекст. Он прекрасно знал, что нынешнее положение госпожи Ван в Жунфу уступало влиянию Старшей супруги Ли-ши. Происхождение и ум госпожи Ли делали её истинной хозяйкой дома, перед которой госпоже Ван приходилось склонять голову, безропотно подчиняясь её воле и авторитету старой госпожи.

Но внезапная трагедия — гибель первенца первой ветви, Цзя Мэя, — переставила фигуры на этой семейной доске. Теперь у госпожи Ван подрастали сын и дочь, и её мальчик с каждым днём подавал всё большие надежды. Ей оставалось лишь приложить все силы к его воспитанию и беречь его как зеницу ока. Только так она могла обеспечить себе незыблемое положение в будущем.

Понимая эти скрытые течения, Цзя Чжу послушно кивнул.

Вскоре из покоев матушки Цзя прислали приглашение к обеду. В те годы в поместье ещё не было молодых снох, и обязанность прислуживать старой госпоже за столом целиком лежала на плечах средних невесток. Оставив разговоры, мать и сын поспешили в главные покои.

На следующее утро Цзя Чжу поднялся ещё до рассвета, в час Кролика. Быстро умывшись и наскоро позавтракав у матушки Цзя, он в сопровождении своего пажу Жуньби и молочного брата Чжэн Вэня отправился в кабинет отца, чтобы выразить почтение перед уходом.

В те дни Цзя Чжэн относился к обучению сына со всей возможной серьёзностью. В его кабинете не было и следа того холодного пренебрежения и насмешек, которые в будущем суждено было терпеть несчастному Баоюю.

Гости и приживалы, наводнявшие библиотеку Цзя Чжэна, завидев вошедшего мальчика, тут же расплылись в угодливых улыбках, расточая хвалебные речи наперебой. Цзя Чжэн, не обращая внимания на этот льстивый гул, усадил сына перед собой и принялся подробно наставлять его: учиться прилежно, не отвлекаться на пустяки, непременно передать почтение Линь Хаю и его супруге, беспрекословно повиноваться наставнику и ловить каждое его слово, ведь по возвращении домой отец лично проверит усвоенное.

Затем он подозвал Чжэн Вэня и Жуньби, устроив им суровый допрос и строго пригрозив наказанием за малейшую оплошность. Цзя Чжу слушал эти наставления, почтительно склонив голову, но в душе его крепло тёплое чувство. Каким бы суровым и закорючатым ни казался Цзя Чжэн, в его строгом голосе сквозила искренняя, глубокая отцовская любовь.

В начале восьмого утра экипаж Цзя Чжу остановился у ворот поместья Линь. Хозяин дома, Линь Хай, уже ушёл на утренний доклад во дворец, поэтому мальчика провели во внутренние покои к госпоже Цзя Минь. Обменявшись с тётушкой вежливыми приветствиями и справившись о здоровье домашних, Цзя Чжу поспешил в уединённый дворик на окраине сада, где расположился Шао Инлинь.

Сююй уже был там. До самого забора доносился его чистый, звонкий голос, нараспев читающий канонические строки.

У дверей кабинета стоял Шао Цзюнь. Заметив приближающегося гостя, он негромко бросил вглубь комнаты:

— Старший молодой господин Чжу пришёл, — и бережно приподнял бамбуковую занавесь, впуская гостя.

Цзя Чжу шагнул через порог и тут же склонился перед учителем в глубоком поклоне:

— Приветствую вас, наставник. Сегодня мой первый день обучения, и родители долго напутствовали меня перед уходом, оттого я и опоздал. Молю вас о прощении. Обещаю, что подобное больше не повторится.

Он замер, внутренне сжимаясь в ожидании сурового выговора или удара бамбуковой линейкой по ладоням. Однако Шао Инлинь оказался вовсе не так строг и дотошен, как представлял себе Цзя Чжу. Наставник лишь мягко улыбнулся и жестом пригласил его занять своё место.

Цзя Чжу облегчённо выдохнул. Мысль о том, что ему придётся ежедневно лавировать между условностями строгой старинной дисциплины, изрядно тяготила его свободный современный разум.

Спустя несколько недель совместных занятий Цзя Чжу окончательно убедился, что Шао Инлинь — человек редкой душевной щедрости и широты взглядов. Он держался просто, не выстраивал глухой стены между собой и учениками, охотно отвечал на любые, даже самые каверзные вопросы и терпеливо разъяснял неясные места.

Поняв это, Цзя Чжу быстро растерял напускную скромность и явил миру свой истинный нрав — весёлый, непосредственный и слегка фамильярный. Он то и дело позволял себе безобидные шутки, лишая учебный процесс излишней чопорности. Шао Инлинь лишь притворно хмурился и беззлобно ворчал на негодника, в то время как Сююй взирал на эти вольности с немалым изумлением.

В вопросах образования наставник также придерживался на редкость передовых взглядов. Большинство учителей того времени, готовя юношей к государственным экзаменам, строжайшим образом запрещали им читать труды Хань Фэй-цзы или исторические хроники Сыма Цяня, считая их бесполезными для получения чина. Но Шао Инлинь лишь посмеивался над этой ограниченностью. Он щедро делился с учениками знаниями из книг философов всех ста школ, знакомил их с изящной словесностью и поэтическими одами, не гнушаясь даже естественнонаучными трактатами о повадках зверей и птиц.

Сам он обладал энциклопедическими знаниями и часто повторял, что истинное учение не должно сводиться лишь к сухой зубрёжке экзаменационных тем. Настоящий учёный обязан впитывать знания из всех источников, иначе он никогда не станет великим мужем.

Говорили, что за всю свою жизнь Шао Инлинь воспитал лишь троих учеников. Помимо Цзя Чжу и Сююя, был ещё один юноша, которому наставник передал все свои тайные знания. Шао Инлинь часто с гордостью упоминал о нём, уверяя, что талантом тот ничуть не уступает Сююю. Правда, имени его он не раскрывал, ласково называя лишь «Хуа-эр». Пройдёт немало лет, прежде чем Цзя Чжу узнает подлинное имя этого загадочного гения и поймёт, сколь тесно переплетутся их судьбы.

В полдень служанка принесла приглашение от госпожи Цзя Минь откусать во внутренних

покоях. Сам Шао Инлинь обедал у себя в кабинете: он строго придерживался вегетарианской диеты, соблюдал особую систему яншэн и принимал пищу, приготовленную его личным поваром.

Пообедав, Чжу и Сююй устроились на послеполуденный отдых. Мальчики были ещё совсем малы ростом, а потому служанки уложили их на одну широкую кушетку под одним одеялом. Сююй лёг у стены, а Цзя Чжу устроился с краю. Поскольку Цзя Чжу ощущал себя взрослым мужчиной, соседство с маленьким мальчиком его ничуть не смущало.

Кто бы мог подумать, что эта детская привычка спать вместе останется с ними на долгие годы. Со временем они поняли, что засыпать вдвоём им куда спокойнее и уютнее, нежели в одиночку, и домашние обеих усадеб сквозь пальцы смотрели на то, что юноши делают одну постель.

Сююй спал беспокойно и к тому же сильно мёрз по ночам. Раскалённое, как печка, тело Цзя Чжу стало для него настоящим спасением: он повадился обнимать друга во сне, точно мягкую подушку. Поначалу Цзя Чжу отчаянно протестовал и даже грозился уйти спать на другую кровать, но все его доводы отскакивали от Сююя как от стены. В конце концов Цзя Чжу смирился.

В детстве Сююй в шутку называл их совместное ложе «дружбой трёх визитов», намекая на то, как великий Лю Бэй и мудрый Чжугэ Лян делили кров и постель. Однако годы шли, их чувства переросли в нечто гораздо большее, и это шутовское уподобление древним мудрецам заставило их устыдиться собственной дерзости. Больше о «дружбе трёх визитов» они не вспоминали.

После сна мальчики умылись и вернулись в кабинет наставника. Прослушав ещё двухчасовую лекцию Шао Инлиня, утомившийся, но довольный Цзя Чжу попрощался со всеми и отправился в обратный путь к родному Жунфу.

<http://bllate.org/book/18221/1752052>